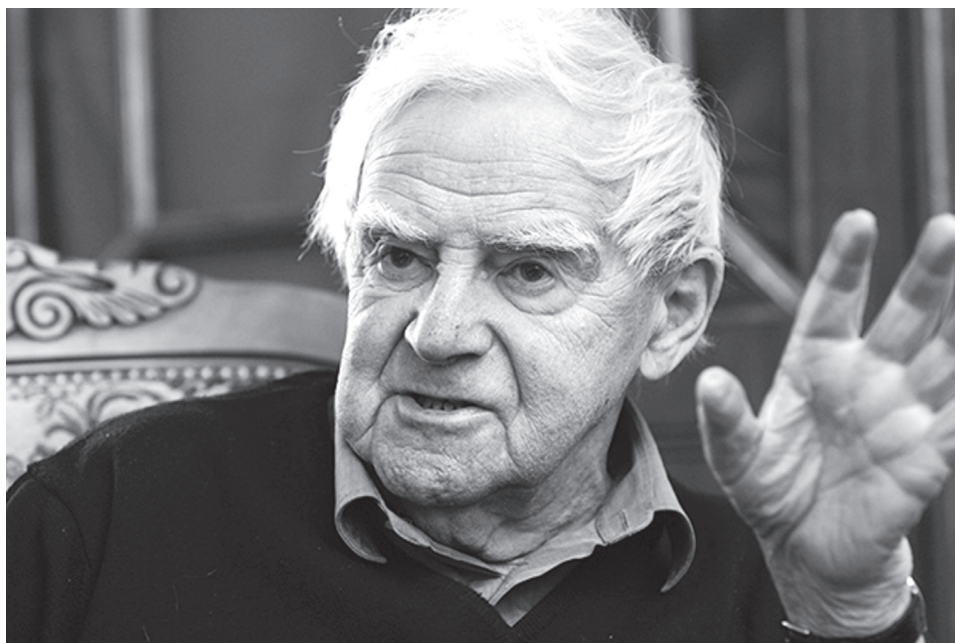

От редакции: Первый номер нашего журнала мы открываем выступлением русского писателя Даниила Гранина в Бундестаге (Берлин, Германия) 27 января 2014 г. 95-летний солдат Великой Отечественной войны, защитник блокадного Ленинграда, все 872 дня боровшийся с врагом в осажденном городе, спустя 70 лет свидетельствовал о преступлениях фашистов. Бундестаг приветствовал речь Даниила Александровича стоя.

Д. А. ГРАНИН,
ПИСАТЕЛЬ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

«...ВСЕГДА ТОРЖЕСТВУЕТ НЕ СИЛА, А СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВДА»

Прежде всего хочу поблагодарить господина председателя Бундестага и все руководство за любезное приглашение выступить здесь. Это для меня большая честь, я буду говорить не как писатель, не как историк, а лишь как солдат, участник далеких событий Второй мировой войны.

Она для меня началась, когда Германия объявила войну Советскому Союзу – 22 июня 1941 г. Я пошел в Народное ополчение добровольцем. Первые месяцы войны мы отступали, бежали, иногда лишь удавалось удержать позиции, как это было в августе 1941 г. под Лугой. Но вскоре и тут нам пришлось отступить, наш полк раз-

бомбили, мы бежали. 17 сентября мы сдали последний рубеж в городе Пушкино, оборона Ленинграда рухнула. Город был окружен со всех сторон немецкими войсками. Блокада наступила внезапно. Город был к ней не готов, не было запасов ни продовольствия, ни топлива. Сразу же ввели карточки, уже в сентябре давали полкило хлеба рабочим, 300 г – служащим.

С 1 октября – 400 г и 200 г служащим, 20 ноября катастрофически снизили норму: 250 г – рабочим, 125 г – служащим и детям. 125 г – тонкий ломтик хлеба пополам с целлюлозой и примесями.

Полностью прекратился подвоз, затем одно за другим: перестал работать водопровод, канализация, встал транспорт, трамваи, погас свет, отключилось отопление. Линия фронта вплотную приблизилась к городу. До наших окопов можно было доехать на трамвае, с передовой в штаб армии ходили пешком.

Приближалась зима. Как назло, лютая, минус 30–35 градусов. Огромный город лишился всякого жизнеобеспечения. Его ежедневно нещадно бомбили, с утра его обстреливали снарядами. Они проносились над нами. До нас доходили не только разрывы, но и содрогания почвы. Горели дома. Гасить их было нечем, водопровод не работал, и дома горели по несколько суток. К декабрю улицы, площади завалило снегом, только кое-где оставались проезды для военных машин. Памятники заложены мешками с песком. Витрины заколочены досками. В булочные и магазины с ночи стояли огромные очереди. Работали только военные заводы и пекарни. Были дни, когда и хлебозаводы останавливались.

Ночью освещения не было. Патрули и прохожие пробирались со светящимися значками – «светлячки». Люди от голода теряли силы, но продолжали работать, продолжали делать снаряды, мины, ремонтировать танки.

Немцы хорошо знали, что происходит в городе, про ужасы голода, знали от разведки, от перебежчиков. Противник мог войти в город, но понимал, что город и солдаты будут стоять насмерть.

Гитлер повторял: «В город не входить», потери от уличных боев были бы слишком велики. Решили, что при таком питании люди не выдержат, вот-вот они должны сдать-ся. Если голод не заставит, то еще лучше – население передохнет, не надо будет его кормить.

Восемнадцатая армия фон Лееба отбивала все попытки прорвать блокаду. Немецкие войска, по сути, комфортно, без особых трудов ожидали, когда голод удушит население. В блокадном кольце оказалось почти три миллиона горожан. Немцы разбомбили главные продовольственные склады – Бадаевские, и от малых запасов ничего не осталось. Наплевав на все законы войны и воинской чести, вермахт приступил к удушению огромного мегаполиса голодом. Фактически на Ленинградском фронте немцы начали войну с горожанами, запустив вместо себя голод.

Уже в октябре стала нарастать смертность от дистрофии. В октябре умерло 6000, в ноябре – 10 000, за 25 дней декабря – 40 000. В феврале ежедневно умирало от голода около трех с половиной тысяч. В дневниках того времени люди писали: «Господи, дожить бы до травы». По скромным подсчетам, за время блокады умерло больше 1 млн горожан.

Маршал Жуков приводит цифру – 1 млн 200 тыс. голодных смертей. Смерть уничтожала тихо, безмолвно, день за днем, месяц за месяцем – все 900 дней. Как укроешься от голода? Он настигал в стенах своего дома, на работе, в своей квартире среди кастрюль, сковородок, буфетов. В еду запускали немыслимые вещи – соскабливали клей с обоев, варили кожаные ремни. Ученые-химики в институтах перегоняли олифу. Съедали кошек, собак. С какого-то момента началось людоедство.

Уже спустя 35 лет после войны мы с белорусским писателем Адамовичем решили написать книгу, где собрать рассказы уцелевших блокадников. Там были страшные примеры.

У матери умирает ребенок, ему три года. Она кладет труп между окон, каждый день отрезает по кусочку, чтобы накормить дочь. Спасала ее. Я говорил с этой матерью и с этой дочкой. Дочь не знала подробностей. А мать все знала, не позволила себе умереть и не позволила себе сойти с ума – надо было спасти дочь. И спасла.

Во что превратилась жизнь блокадника?

Вода – где ее добыть? Шли на реку Неву, на каналы, в толще льда делали проруби, зачерпывали ведрами. Там, где не было поблизости рек и каналов, собирали снег и топили его. Топили на чем? – Железные печурки – «буржуйки». Покупали их на рынке за немыслимые деньги, и тут наступала следующая проблема: чем их топить? Выламывали паркет, ломали мебель...

В домах жили в темноте. Окна завешаны, чтобы сберечь тепло. Светит крохотный огонек коптилки, это баночка с фитилем, залитая маслом – машинным, трансформаторным. Керосина нет. Крохотное пламя – единственный источник света.

Появились «черные» рынки, там можно было выменять кусок сахара, банку консервов, мешочек крупы. Выменять за шубу, валенки, серебряные ложки, несли туда все ценное, что было в доме.

На улицах и в подъездах лежали трупы, завернутые в простыни, не было сил хоронить их, сносили вниз по лестнице или на саночках везли на кладбище, ну а там не хоронили, а просто оставляли трупы.

Когда лед на Ладоге окреп, по нему проложили на Большую землю «Дорогу жизни», по ней пустили машины, началась эвакуация, эвакуировали женщин, детей, раненых. Дорогу немцы нещадно обстреливали, снаряды ломали лед. Машины с людьми шли под воду. Дорога работала днем и ночью, другого способа эвакуировать не было.

В городе люди многое делали сами. У кого-то хватало сил вырубать во льду ступеньки, чтоб можно было спускаться к воде. В районах города организовали вылазку кипятка, кружка кипятка часто спасала человека; молодежные бригады помогали доставить обессиленных людей в стационары, там их кое-как подкармливали.

Люди привыкали к взаимопомощи. Человек на улице остановится, сползет вдоль стены на землю, потеряв силы, и находился иногда другой прохожий – поднимет его, доведет до пункта с кипятком.

Пока не растаял лед на Ладожском озере, удалось эвакуировать 376 000 чел.

Несколько раз меня посылали в штаб, и я видел эти сцены и понял, что один из героев блокады – это КТО-ТО, БЕЗЫМЯННЫЙ ПРОХОЖИЙ, он спасал упавшего, замерзающего. У людей не исчезло, а появилось больше сострадания. Единственное, что можно было противопоставить голоду и бесчеловечности фашизма – это духовное сопротивление людей единственного города Второй мировой войны, который сумел выстоять.

Однажды в мае 1942 г. нас послали помочь вывозить трупы во рвы, выкопанные на кладбищах. Возле кладбищ набрались груды снесенных туда за зиму покойников. Я помню, как мы их грузили в машины – мы их кидали, как дрова, такие они были легкие и высохшие. Кто-то, кажется, наш полковой врач, сказал: «Они съедали себя сами». Мы грузили ими машину за машиной. Это была самая жуткая работа в моей жизни.

Эвакуация создавала проблемы. Одна женщина рассказывала нам, как поехала с детьми на Финляндский вокзал, чтобы оттуда добраться до «Дороги жизни». Посадила на санки дочь, сын 13 лет пошел сзади. Дочь она довезла, а у сына не хватило сил дойти, остался на улице, очевидно, погиб.

Спустя 35 лет после войны мы опросили для книги 200 чел. блокадников. Каждый раз я допытывался: «Почему вы остались живы, если вы провели здесь всю блокаду?» Часто оказывалось, что спасались те, кто спасал других – стоял в очередях, добывал дрова, ухаживал, жертвовал коркой хлеба, кусочком сахара... Конечно, и спасатели умирали, но поражало меня то, как им помогала душа не расчеловечиваться. Блокадная смерть настигала истощенные организмы и летом, и в эвакуации.

В городе висели характерные объявления: «Произвожу похороны», «Рою могилы», «Отвожу покойников на кладбища». Все за кусок хлеба, за банку консервов...

Весной по Неве поплыли вереницы трупов красноармейцев. Но воду из Невы продолжали брать – оттолкнет труп и зачерпывает, а что делать.

С июля 1942 г. мы на фронте пытались порвать кольцо блокады. Атаки проходили неудачно. Синявинская операция длилась до конца октября. Ничего не получилось, наши войска потеряли 130 000 чел.

Однажды мне принесли дневник блокадника. Юре было 14 лет, он жил с матерью и сестрой. Дневник нас поразили. Это была история совести мальчика. В булочных точно, до грамма, взвешивали порцию положенного хлеба. Для этого приходилось отрезать еще довески, чтобы выходило ровно 250–300 г. Обязанностью Юры в семье было достояться в очереди до хлеба и принести домой. В дневнике он признается, каких мучений ему стоило не отщипнуть по дороге кусочек хлеба, особенно терзал его довесок, неудержимо хотелось съесть этот маленький кусочек, ни мать, ни сестренка, казалось бы, не узнали об этом. Иногда он не выдерживал и съедал. Он описывает, как стыдно было, признается в своей жадности, а потом и в бессовестности – вор, украл у своих, у матери, у сестры хлеб насущный. Никто не знал об этом, но он мучился. В квартире соседями были муж и жена, муж был какой-то

крупный начальник по строительству оборонных сооружений, ему полагался дополнительный паек. На общей кухне жена готовила обед, варила кашу, обед, сколько раз Юру тянуло, когда она выходила, схватить чего-то, зачерпнуть хоть рукой горячей каши. Он казнит себя за свою постыдную слабость. В его дневнике поражает постоянный поединок голода и совести, борьба между ними, яростные схватки, причем ежедневные, попытки сохранить свою порядочность. Мы не знаем, сумел ли он выжить, из дневника видно, как убывали его силы, но, даже уже полный дистрофик, он не позволял себе выпрашивать еду у соседей.

Или другая история. Во время артиллерийского обстрела города снаряд через окно залетел в квартиру и не разорвался, грохнулся на пол. Остался лежать. Дыру в окне забили фанерой. А что делать со снарядами? Ходили к военным, молили прийти саперов. Проклятые саперы не шли, и люди несколько недель жили в одной комнате с большим снарядом.

Заместитель председателя Совета министров Алексей Косыгин во время войны был отправлен в Ленинград как представитель Комитета обороны. Он руководил «Дорогой жизни» через Ладожское озеро, кроме того, он отправлял на Урал на военные заводы оборудование с ленинградских заводов – станки, цветные металлы, приборы. Он рассказывал мне, как перед ним ежедневно возникала тяжелая проблема выбора: отправлять детей, женщин, раненых или материалы на заводы.

После войны Ленинградскую блокаду мы воспринимали как одну из самых трагических страниц в истории Второй мировой войны с немцами. Позорную для Германии и героическую для России. Это даже не столько героическая, сколько удивительная по своей духовной силе.

Я, будучи на переднем крае начиная с 1941 и часть 1942 г., честно признаюсь: возненавидел немцев не только как противников, солдат вермахта, но и как тех, кто, вопреки всем законам воинской чести, солдатского достоинства, офицерских традиций и тому подобное, уничтожал людей, горожан самым мучительным, бесчеловечным способом, воевал уже не оружием, а с помощью голода, дальноточной артиллерии, бомбежек. Уничтожали кого? – Мирных граждан, беззащитных, не могущих участвовать в поединке. Это был нацизм в самом отвратительном виде, потому что они позволяли себе это делать, считая русских недочеловеками, считая нас чуть ли не дикарями и приматами, с которыми можно поступать как угодно.

Ныне, конечно, это чувство утихло, осталось лишь в памяти. Впервые я приехал в Германию в 1956 г., меня пригласило издательство, которое выпустило мой роман. В сущности, я ехал к недавнему врагу, к смертельному врагу. На пресс-конференции меня спросили тогда, что я чувствую, приехав сюда, в Германию? Я сказал, что, когда я встречаю немцев своего возраста, для меня это встреча промахнувшихся: они столько раз стреляли в меня и промахнулись, и я стрелял в них – и тоже промахнулся.

На стенах Рейхстага еще читались надписи наших солдат, среди них запомнилась мне одна примечательная: «Германия, мы пришли к тебе, чтобы ты к нам не ходила». За эти годы я стал другим. У меня появились в Германии друзья. Здесь переводили и издавали много моих книг. Процесс примирения был непросто. Ненависть – чувство тупиковое, в нем нет будущего. Надо уметь прощать, но надо уметь и помнить. Вспоминать про годы войны тяжело, любая война – это кровь и грязь. Но память о погибших миллионах, десятках миллионов наших солдат необходима. Я только недавно решился написать про свою войну. Зачем? Затем, что в войну погибли почти все мои однополчане и друзья, они уходили из жизни не зная, сумеем ли мы отстоять страну, выстоит ли Ленинград, многие уходили с чувством поражения. Я как бы хотел им передать, что все же мы победили и что они погибли не зря. В конечном счете всегда торжествует не сила, а справедливость и правда.

Поступила в редакцию 28.01.2014.